

С.П. ШИЛОВ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 годов И ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ВЕДОМСТВО

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Истории германо-русских отношений кануна русско-японской войны 1904–1905 гг. в историографии уделено немало места. Подробно изучена и политика Германии на Дальнем Востоке в начале XX в. Многие исследователи этих проблем приходили к выводу о том, что германская дипломатия, исходя из внутренних и внешнеполитических интересов рейха, подталкивала Россию к войне с Японией¹.

Моральная поддержка царизма со стороны германской империи была не бескорыстна и имела целью осуществить перегруппировку политических сил на международной арене по сценарию Берлина. Об этом свидетельствует деятельность не только дипломатии рейха, но и позиция кайзеровского военно-морского ведомства и его главы гросс-адмирала А. Тирпица в канун русско-японской войны.

Как писал Тирпиц в книге "Воспоминания", он сожалел, что русско-японская война не была предотвращена. В 1903 г. кайзер Вильгельм II направил Тирпица к императору России Николаю II с неким "деликатным поручением", которое адмирал выполнить не сумел. Причиной тому явилось постоянное присутствие "англофильски настроенной" императрицы Александры Федоровны. Однако Тирпиц предупредил царя о грозящей восточно-азиатской опасности, учитывая "декоративный характер русского восточно-азиатского флота". Николай II ответил, что опасность явно преувеличена. К тому же Россия достаточно сильна, чтобы не бояться японцев².

В 1904 г., после первых атак японцев на русские корабли, Тирпиц поделился своей тревогой и с баварским посланником в Берлине. "Руководителю военно-морского ведомства мерещится, – сообщал на следующий день представитель мюнхенского двора, – что Англия использует какое-либо обстоятельство для того, чтобы уничтожить находящийся в стадии строительства германский флот". Тирпиц, по словам посланника, не скрывал сожаления о начале войны и был "огорчен неудачами русских, так как ослабление России ведет к устранению ее как серьезного противовеса Англии"³.

Кайзеровскому военно-морскому ведомству было ясно, что с началом русско-японской войны русский флот как потенциальный противник Великобритании будет связан на Дальнем Востоке; причем, если русские потерпят поражение в войне, это еще более ослабит обороноспособность Германии против самой мощной морской державы – Британской империи.

Шилов Сергей Павлович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой документоведения, историографии и источниковедения Тюменского государственного университета.

¹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.-Л., 1955; Зелев В.В. Германо-русские отношения в июле–ноябре 1903 гг. – Проблемы истории внешней политики империалистических государств. Томск, 1979, с. 63–71; White J.A. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, 1964; Vogel B. Deutsche Rußlandpolitik. Das Scheitern Weltpolitik unter Bülow. 1900–1906. Düsseldorf, 1973.

² Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957, с. 198.

³ Цит. по: Berghahn V.R. Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf, 1971, S. 386.

Германия соблюдала нейтралитет: командующий германской восточноазиатской крейсерской эскадры вице-адмирал К. Притвиц получил приказ: ни при каких обстоятельствах не позволять втянуть себя в конфликт между Россией и Японией. Строгое распоряжение на этот счет пришло из Берлина 7 января 1904 г. При этом германская эскадра должна была находиться в состоянии боевой готовности. Каждому крейсеру указывался район патрулирования⁴. Неделью спустя после начала боевых действий на Дальнем Востоке Вильгельм II подписал "приказы кораблям Его Величества, находящимся за границей на случай войны". Среди потенциальных противников Германии в восточных водах назывались США, Франция, Англия, Япония. В одном из приказов предусматривался и такой вариант: война против Франции и России; против одной России плана ведения боевых действий не существовало.

План нанесения Германией удара по военно-морским силам русско-французского альянса в союзе с Англией или Японией гласил: "В случае союза с Англией или Японией необходимо объединиться с союзниками, чтобы перейти в наступление". В случае, если Германии пришлось бы действовать против Франции и России, перед Притвицем ставилась задача "ослабить французские военно-морские силы в Восточной Азии до соединения их с русскими". В случае неудачи немецкая эскадра должна была вести крейсерскую войну.

Россия как возможная союзница германского рейха ни в одном из вариантов боевых действий на Дальнем Востоке не называлась. Правда, в случае войны против Англии предусматривался вариант совместных действий совместно с крупными военно-морскими силами. В случае успеха в войне с Японией, к этим силам вполне можно было отнести и российский флот⁵. Как видно из документа, утвержденного Вильгельмом II, действия германской эскадры на Дальнем Востоке должны были иметь оборонительный характер. В кайзеровском адмиралтействе осознавали, что германская эскадра не настолько сильна, чтобы планировать наступательные действия.

После нападения японцев на Порт-Артур указание Берлина Притвицу о неукоснительном соблюдении нейтралитета было подтверждено⁶. При этом адмиралу вменялось строго следить за всеми передвижениями судов. Притвиц нервничал: с одной стороны, вверенная ему эскадра должна была демонстрировать военное присутствие Берлина, обеспечивать безопасность граждан Германии, вести разведку в зоне военного конфликта; с другой, и это адмирал чувствовал, любой его просчет мог спровоцировать если не военное столкновение, то уж дипломатический конфликт и сопутствующие ему обвинения в нарушении нейтралитета. Притвица беспокоили и антигерманские выступления местной прессы: в адрес немецких боевых кораблей журналисты отпускали язвительные замечания. Действия кайзеровской эскадры назывались "любопытством, выходящим за грань приличия", "разведкой японской деятельности". Газеты припомнили и вызывающее поведение Германии во время испано-американской войны⁷. Тогда Берлин отправил к Маниле (и тем заявил о своих претензиях на Филиппины) эскадру под командованием адмирала О. Дидерикса, "героя" захвата Цзяочжоу. Наглость, с которой вели себя немцы в манильской бухте, вызвала негодование в Вашингтоне⁸.

⁴ Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848-1945. Frankfurt a. M., 1958, S. 114.

⁵ Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (далее – BA-MA), RM 5/886. – Allerhöchste Befehle an S.M. Schiffe im Auslande für den Kriegsfall. Berlin, 7.2.1904.

⁶ Hubatsch W. Op. cit., S. 114.

⁷ BA-MA, RM 3/4300. – Chef des Admiralstabes Büchsel an Tirpitz, Berlin, 17.2.1904.

⁸ О том, что немцы заявили о своей решимости участвовать в дележе испанского колониального наследства, свидетельствовал тот факт, что прибывший на Филиппины адмирал Дидерикс по рангу превосходил своего американского коллегу Дж. Дьюи, эскадра которого также находилась в Манильской бухте. – Шаццало В. К. Расчет и безрассудство. Германо-американские отношения в 1898–1917 гг. М., 1998, с. 32–33. О дипломатических перипетиях по этой проблеме см.: Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.-Л., 1960, с. 501–515.

Притвица раздражал своими, как он считал, провокационными действиями, флот "бджественного микадо". Например, японский крейсер долго сопровождал германский корабль "Тетис", направлявшийся из Чемульпо в Чифу⁹.

Опасения спровоцировать международный конфликт заставили Притвица ограничить плавание немецких судов в районе боевых действий, о чем адмирал уведомил кайзера и германского посла в Токио. Это необходимо сделать, докладывал Притвиц Вильгельму II, так как ни англичане, ни американцы, хотя и планировали отправить свои корабли в Вэй-хай-вей и так или иначе в Чифу, остались южнее Шанхая. Перед Чемульпо, например, стоял только один английский крейсер. Чтобы не спровоцировать англичан на активные действия, Притвиц приказал ограничить всякие передвижения эскадры. Когда к Притвицу через германского консула обратился французский генеральный консул в Шанхае с просьбой взять на борт почту, если один из немецких крейсеров отправится в порт Дальний, адмирал ответил вежливым отказом. Он заявил, в частности, что в ближайшее время командировка к русским не планируется¹⁰.

Все это свидетельствовало о напряжении, которое испытывало командование германским флотом в связи с началом войны между Россией и Японией. Действия командующего немецкой эскадрой были очень осторожными, он согласовывал с Берлином каждый свой шаг. Немецкий адмирал не знал, как поведет себя Британия, если характер плавания германской эскадры в районе боевых действий будет трактоваться англичанами как несоответствующий позиции нейтралитета.

Тем временем в германском адмиралтействе формировалось свое видение международной ситуации. Первую информацию кайзеру о ходе военных действий Японии против России командование флота подготовило 15 февраля 1904 г. Хотя сообщения из столиц воюющих держав были противоречивы, было ясно одно: "русские сильно [пострадали], а японцы вообще не пострадали"¹¹. В адмиралтействе полагали, что Токио непременно воспользуется военной неподготовленностью противника и закрепит первые успехи быстрыми и мощными ударами с суши и моря. Однако дальнейшие действия японских вооруженных сил разочаровали германских военно-морских экспертов. В адмиралтействе считали, что японцы вели себя недостаточно решительно и в начале мая оказались "немногим дальше того, чем, если бы войну начали сейчас"¹². Становилось очевидным, что военный конфликт будет продолжительным и еще неизвестно, выиграет ли от этого Германия. В адмиралтействе просчитали варианты. Получалось, что в быстром окончании войны, прежде всего, не заинтересована Великобритания. Затяжные военные действия обескровят противников, что позволит англичанам выступить "добрыми посредниками" и собрать в этом качестве "целый урожай наград". Япония окажется в финансовой зависимости от своего союзника, так как без крупных займов она не сможет довести войну до победного конца. Далее следовало, что Токио в своих притязаниях довольствуется Кореей и, может быть, Квантунским полуостровом. Такое ограничение военных целей "не противоречит английским интересам и главному содержанию англо-японского союза"¹³. Таким образом, затягивание конфликта между Россией и Японией не отвечало интересам командования германского флота, которое явно опасалось усиления своего главного морского противника — Великобритании.

То, что японцы не так активны, как могли бы быть, отмечал и германский военно-морской атташе в Санкт-Петербурге П. Гинце. В Токио упустили возможность быстрой победы, докладывал он Тирпицу, подводя итоги первым месяцам войны. Гинце

⁹ BA-MA, RM 3/4303. — Chef des Kreuzergeschwaders Vize-Admiral Prittwitz an den Kaiser, Honkong, 8.3.1904.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ BA-MA, RM 5/886. — Zum Immediatvortrag, Berlin, 15.2.1904.

¹² Ibid. — Zum Immediatvortrag, Berlin, 2.5.1904.

¹³ Ibidem.

полагал, что ситуация может измениться в пользу русских. Основанием для этого могут быть: систематическая и гладко протекающая мобилизация сил русской армии и флота; ошибки, допущенные японскими войсками после их первых внезапных ударов по противнику. Успеху России, считал Гинце, могла бы способствовать и "близкая к корректной" позиция нейтральных государств и даже "сдержанность" Китая. В Петербурге уходят от состояния подавленности и уверены в победе. Такой поворот настроений в российском обществе, по мнению Гинце, объясняется национальным характером русских – "они во всем предпочитают чрезмерность"¹⁴. Пожалуй, именно Гинце своими донесениями способствовал формированию видения германским военно-морским ведомством перспектив русско-японской войны. Казалось, что Тирпиц поверил в способность России нанести военное поражение Японии.

Кажется, и поведение Англии говорило о том же. Первые признаки того, что англичане готовы к улучшению отношений с Россией, обнаружили в апреле 1904 г. Проводником этой идеи являлся сам английский монарх Эдуард VII. Его пожелания были переданы русскому посланнику в Копенгагене Извольскому, а также послу в Лондоне Бенкендорфу. "Мирные" планы англичан были доведены и до царя¹⁵. Перед Берлином появились пока туманные, но грозящие стать реальными перспективы англо-франко-русского соглашения. Тем более что Англия и Франция уже пришли к "сердечному согласию". Такой поворот событий не отвечал интересам политических и военных кругов Германии.

Сведения о том, что английский общество уже не так активно желает победы "желтому человеку", стали поступать в Берлин летом 1904 г. В поддержку России выступила и часть германской прессы, полагая, что вслед за русскими японцы скоро возьмутся за всех "белокурых варваров". Тон сменил даже известный ранее своими антироссийскими выступлениями влиятельный журнал "Цукунфт". В июле 1904 г. его издатель М. Гарден опубликовал большую статью под названием "Война и мир". Гарден предостерег от возможных ошибок тех германских политиков, которые считали, что чем больше обескровят себя "белый медведь и рыжая лисица", тем будет лучше для Германии. Война уже расстроила русскую финансовую систему, и долгие годы Россия будет "безвредной". После окончания войны Россия станет выгодным клиентом германской промышленности, так как немедленно приступит к реорганизации армии и флота, а также выделит огромные средства на железнодорожное строительство. Однако надежный мир, по мнению немецкого публициста, возможен только тогда, когда Россия добьется некоторых военных успехов. Это позволит избежать тяжелых условий мирного договора¹⁶.

Сторонником лозунга "Россия, вперед!" оказалось и германское военно-морское ведомство. Для Тирпица разгром или как минимум нанесение урона японскому флоту означало ослабление морской мощи Великобритании. Могло случиться и так, что с победой России на Дальнем Востоке англичанам пришлось бы обеспечивать свои дальневосточные интересы за счет переброски части флота из Северного моря. В этом случае внимание британцев к развитию германских военно-морских сил могло быть ослаблено. Поэтому Тирпиц был за то, чтобы Гинце деликатно подталкивал командование российского флота на более активные действия. При этом германский аташе не был уверен в успехе операции по отправке русской Балтийской эскадры на Дальний Восток. В начале апреля 1904 г. Гинце допускал два варианта развития событий. С одной стороны, поспешность в подготовке этой операции, а также длительность перехода с неизбежными поломками в пути, снизят боеспособность русских ко-

¹⁴ Hintze an Tirpitz. St.Petersburg, den 1. April 1904. – Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik 1903–1918. München, 1998, S. 132–133 (далее – Paul von Hintze).

¹⁵ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1999, с. 173; Vogel B. Op. cit., S. 201.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 560, оп. 22, д. 277. – Агент министерства финансов В.Н. Коковцову, Берлин, 14/27 июля 1904 г.

раблей, которые станут тогда легкой добычей японцев. С другой стороны, если Балтийская эскадра благополучно воссоединяется с Тихоокеанским флотом, то ситуация на море может измениться в пользу русских. К тому же, с предполагаемым введением в строй к июлю 1904 г. новых броненосцев, Россия будет иметь неплохие шансы на успех. Однако, по мнению германского атташе, активность России на морском театре военных действий могла бы спровоцировать выступление Великобритании на стороне Японии¹⁷.

Дважды – в июле¹⁸ и сентябре¹⁹ 1904 г. – Тирпиц просил Гинце обратить внимание российского военно-морского командования на необходимость ведения наступательных действий. Сентябрьская директива исходила из внешнеполитического ведомства Германии и отражала точку зрения рейхсканцлера Бюлова, которым также завладела идея подрыва морского могущества Японии²⁰.

Инициатива Бюлова, поддержанная Тирпицем, появилась тогда, когда в русско-японском противостоянии наметились первые признаки надвигающегося поражения России²¹. Предпринятый 10 августа очередной прорыв 1-й Тихоокеанской эскадры из Порт-Артура во Владивосток оказался неудачным²². В бою с превосходящими силами противника осколком японского снаряда был убит командующий эскадрой адмирал В.К. Витгефт. Часть русских кораблей вернулась в Порт-Артур, другая часть была интернирована в иностранных портах. И хотя в бою в Желтом море не был потерян ни один корабль, порт-артурская эскадра утратила свое значение. На сухопутном театре военных действий русская армия также терпела неудачи.

В свете этих событий в конце августа 1904 г. в Берлин пришла информация о первых признаках примирения противников, а также готовности Англии посредничать в этом процессе. Гинце сообщал Тирпицу: "Некоторые персоны, стоящие близко к Николаю II, полагают, что у англичан есть основания не трогать больше Россию в ее войне с Японией". Поскольку в планы Тирпица не входило примирение противников, Гинце сетовал на то, что русские военные ведомства слепы. Они не замечают английской опасности. В то же время британский королевский флот со дня на день может выступить на стороне Японии и так же неожиданно, как это сделал в феврале флот микадо²³.

Вильгельм II пообещал царю "присмотреть" за германским побережьем Северного и Балтийского морей, чтобы воспрепятствовать активности японских агентов и якобы возможным операциям японских миноносцев против русской Балтийской эскадры²⁴. Одновременно Берлин держал экзамен "на дружбу" с Петербургом и на Дальнем Востоке, в связи с заходом поврежденных в бою русских военных кораблей в порт Цзяочжоу.

ЭКЗАМЕН НА "ДРУЖБУ"

История с интернированием в августе 1904 г. в китайской бухте Цзяочжоу, находившейся в ведении Германии, русских боевых кораблей: броненосца "Цесаревич" и трех миноносцев – "Бесшумный", "Бесстрашный" и "Беспощадный", остается малоизученной как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

¹⁷ BA-MA, RM 3/4302. – Hintze an Tirpitz, St. Petersburg, 1.4.1904.

¹⁸ BA-MA, RM 3/4. – Tirpitz an Hintze. St. Blasien, 23.7.1904.

¹⁹ Ibid. – Aufzeichnung Tirpitz, 24.9.1904; Paul von Hintze, S. 139.

²⁰ Bülow an Auswärtigen Amt, Norderny, 9.9.1904. – Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871-1914. Bd. 19/1. Berlin, 1925, S. 220.

²¹ В событиях лета 1904 г. "начало конца" российской военно-морской мощи не увидели не только Бюлов и Тирпиц. Первые неудачи русской армии и флота не оказали отрезвляющего воздействия на Николая II и его окружение. Так, в сентябре 1904 г. царь в письме Е.И. Алексееву рассуждал о невозможности получения контрибуции с разоренной Японии. – Романов Б.А. Указ. соч., с. 282; История внешней политики России, с. 164.

²² Первая попытка прорыва порт-артурской эскадры во Владивосток состоялась 23 июня 1904 г.

²³ BA-MA, RM 5/1438. – Hintze an Tirpitz, St. Petersburg, 29.8.1904.

²⁴ Vogel B. Op. cit., S. 201.

Единственными работами на эту тему являются книги историка российского флота Р.М. Мельникова, в которых содержится резкая критика позиции Германии по вопросу разоружения русских военных кораблей. Действия немецкой стороны Р.М. Мельников называет "бесчестным германским ультиматумом"²⁵.

Принято считать, что факты разоружения кораблей российского флота в нейтральных иностранных портах не имели большого значения с точки зрения влияния на отношения великих держав в период русско-японской войны. После окончания военных действий почти все интернированные корабли вернулись в строй российского флота. Однако проблема интернирования представляет интерес как с точки зрения истории международного права, так и дипломатических отношений. В последнем случае выявляются некоторые особенности взаимоотношений Берлина и Петербурга в период русско-японского военного противостояния и, что особенно важно в рамках нашей темы, просматривается позиция ведомства Тирпица в вопросе интернирования.

Появление в бухте Цзяочжоу 11 августа поврежденных в сражении с японским флотом русских кораблей было для немцев неожиданным и вызвало серьезную озабоченность у командования германской эскадры на Дальнем Востоке. Об этом свидетельствовала направленная в Петербург телеграмма начальника российской почтово-телеграфной конторы в Чифу г-на Вейнгласса, в которой сообщалось, что немцы не исключают нападения японцев на Цзяочжоу, куда на всех парах ушел германский крейсер²⁶.

Первые дни пребывания российских кораблей в Цзяочжоу стоили немалых нервов и сотрудникам германского военно-морского ведомства. Тирпиц узнал о случившемся на следующий день, получив телеграмму от заместителя губернатора Циндао. Опасаясь обострения отношений с Японией, которая могла расценить любые неосторожные действия Германии как несоответствующие статусу нейтралитета, гросс-адмирал срочно созвал совещание, где состоялось "устное обсуждение" сложившейся ситуации. Прежде чем дать указания губернатору Труппелю о его дальнейших действиях, было решено обратиться за консультацией в министерство иностранных дел Германии. Запрос был сделан от имени руководителя конструкторского отдела адмиралтейства Р.Эйкштедта. Чиновника интересовал, прежде всего, международно-правовой аспект проблемы. В частности, должны ли русские корабли покинуть порт после проведения необходимых ремонтных работ или немцам следовало приступить к разоружению судов²⁷. Ответ из министерства иностранных дел гласил, что согласно международному праву корабли воюющей стороны могут находиться в нейтральном порту до восстановления мореходности. После чего они должны либо покинуть свое убежище в течение 24 часов, либо подвергнуться процедуре интернирования²⁸.

Судя по отчету, который предоставил в конце августа в военно-морское ведомство губернатор Труппель, право ремонтных работ было предоставлено одному "Цесаревичу". Миноносцы решили разоружить, поскольку, как отмечал Труппель, их команды находились в тяжелом моральном и физическом состоянии²⁹. Однако дальнейшие события изменили первоначальные планы. 15 августа из Берлина поступила телеграмма, в которой говорилось о распоряжении германского императора разоружить все корабли, не покинувшие порт до начала следующего дня³⁰.

Можно с большой долей вероятности предположить, что на решение кайзера оказал влияние Тирпиц, который не мог исключить вероятность японского нападения на

²⁵ Мельников Р.М. "Цесаревич", часть 1, эскадренный броненосец 1899 – 1906. СПб., 2000, с. 88.

²⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ), ф. 417, оп.1, д. 3081, л. 4. – Телеграмма Вейнгласса. Чифу, 30 июля (12 августа) 1904 г.

²⁷ BA-MA, RM 3/11514. – R. Eickstedt an Staatssekretär des Auswärtiges Amts, Berlin, 12.8.1904.

²⁸ Ibid. – Nuehlberg an Tirpitz, Berlin, 12.8.1904.

²⁹ BA-MA, RM 3/4305. – Gouverneur Truppel an Tirpitz, Tsingtau, 25.8.1904.

³⁰ Ibidem.

Цзяочжоу. Видимо, эти опасения имели под собой почву. Так российский посланник в Пекине Т.С. Лессар сообщал, что, в связи с заходом "Цесаревича" в германскую бухту, Япония не сочла необходимым связаться с его немецким коллегой в Пекине. Российский дипломат сообщил также, что к Цзяочжоу отправлена японская эскадра в составе 4 крейсеров и 4 миноносцев. По своей мощи она превосходила дальневосточный германский флот. Все "поражены наглостью Японии, — писал Лессар, — и ожидают, как ответит Германия на это оскорбление"³¹.

Однако решительных действий со стороны Берлина не последовало. Вечером 15 августа Труппель узнал от начальника местной почты, что командующий японской эскадры вице-адмирал С. Дева получил какое-то специальное задание. Почтовый служащий сообщил об отправке шифрованной телеграммы на борт "Якумо", где находился штаб японского адмирала. Труппель немедленно провел совещание с Притвицем. Немцы решили защищать русские корабли, если на них будет совершено нападение³². Но и японцы были настроены по-боевому. Токио предупредил Берлин, что эскадре Девы поручено задерживать русские корабли в случае выхода их из нейтральных портов. 16 августа, бросив якорь в 32 милях от Цзяочжоу, японский адмирал отправил в германскую бухту миноносец "Икацухи" с представителем своего штаба на борту³³.

Вильгельму II и Тирпицу о встрече с японцами Труппель сообщил в тот же день. Кайзер поспешил отдать приказ: "Что касается русских кораблей, ...они должны быть тотчас разоружены, а команда интернирована"³⁴.

Появление японского миноносца в Цзяочжоу вызвало бурное обсуждение местной прессы. Стало ясно, что Япония ведет себя без особой оглядки на Берлин. Большую тревогу в германском посольстве в Токио вызвало сообщение газеты "Асахи Симбун", издаваемой в Чифу, что японцы осматривали русские корабли на предмет их разоружения. Такие действия воюющей стороны в нейтральном порту противоречили международному праву. Германское посольство в Токио обратилось с просьбой к губернатору Циндао подтвердить или опровергнуть распространенное прессой сообщение³⁵. Труппелю пришлось пояснить, что японский офицер после беседы с ним посетил лишь телеграфный пункт и не осматривал русские корабли³⁶.

Уведомление губернатора Циндао о решении германского императора об интернировании русских военных судов, если они к назначенному сроку не покинут бухту, было получено 15 августа. В тот же день старший офицер "Цесаревича" капитан 2-го ранга Д.П. Шумов телеграфировал в Петербург, что вынужден приступить к разоружению, так как не имеет возможности выйти в море³⁷. О серьезных повреждениях на "Цесаревиче" свидетельствовала экспертиза состояния судна, проведенная немецкими специалистами³⁸. Seriously пострадала бронепалуба, командирская рубка, дымовые трубы, котлы. Два снаряда угодили в подводную часть корабля, повредив броневые плиты. Через пробоины вода затопила одно из отделений. В результате корабль полу-

³¹ РГА ВМФ, ф. 417, оп.1, д. 3081, л. 33. — Секретная телеграмма Т.С. Лессара, Пекин, 5 августа 1904 г.

³² BA-MA, RM 3/4305. — Gouverneur Truppel an Tirpitz, Tsingtau, 25.8.1904.

³³ Ibid., RM 3/4305. — Telegramm der Kaiserlichen Gesandtschaft Tokio vom 17.8.04.

³⁴ Ibid., RM3/4305. — Kaiser an Truppel. Telegramm. Wilhelmshöhe, 16.8.1904.

³⁵ Ibidem.

³⁶ BA-MA, RM 3/4305. — Truppel an die Kaiserliche Gesandtschaft Tokio. Telegramm, Tsingtau, 19.8.04.

³⁷ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 3081, л. 15. — Телеграмма капитана 2-го ранга Д.П. Шумова генерал-адмиралу Великому Князю Алексею Александровичу, Циндао, 2(15) августа 1904 г.

³⁸ Экспертиза состояния "Цесаревича" была проведена корабельными инженерами Брейманом и Винтером под руководством капитана 2-го ранга Функе (BA-MA, RM 3/4305 — Gutachten über Zustand des Linienschiffes Zessarewitsch, das am 11. August 1904 in den Hafen von Tsingtau einlief. Tsingtau, 15. August 1904). С российской стороны описание повреждений броненосца было сделано офицерами под руководством капитана 2-го ранга Максимова. Несмотря на повреждения, "Цесаревич" сохранил боеспособность. — Мельников Р.М. Указ. соч., с. 87.

чил 150 тонн воды³⁹. Кроме того, в бою были ранены или убиты все офицеры. Получил ранение и командир – капитан 1-го ранга Н.М. Иванов⁴⁰. Настроение команды было подавленным.

Притвиц, посетивший русский броненосец, доложил Вильгельму II, что русские моряки находятся под впечатлением тяжелых потерь, их нервы напряжены, некоторые апатичны ко всему происходящему. Кайзеровский адмирал отдал должное мужеству офицеров "Цесаревича": несмотря на ранения, большинство из них отказалось лечь в лазарет, продолжая нести службу⁴¹. Из бесед с членами команды Притвицу стало ясно, что порт-артурская эскадра была неподготовлена к боевым действиям. Так "Цесаревич" не делал тренировочные выходы в море, не проводил пристрелку торпед. "Только адмиралу Макарову удалось поднять дух, пробудить усердие. После его смерти все стало на прежние места"⁴².

15 августа на "Цесаревиче" и миноносцах были спущены флаги и вымпелы. Началась процедура интернирования, о чем было немедленно сообщено в Берлин и в германские посольства в Токио и Пекине⁴³.

Приказ Труппеля определил содержание мероприятий по интернированию⁴⁴. С этой целью броненосец "Цесаревич" и миноносцы передавались губернатору Циндао и команде фрегатов-капитана Якобсона. В приказе говорилось о необходимости уважать национальные чувства русских. Офицерам сохранялось личное оружие. С корабельных орудий снимались важнейшие части, подлежали демонтажу торпедные боеголовки, изымались легко воспламеняющиеся вещества, другое военное снаряжение. Заслуживает внимания один из пунктов приказа, в котором говорилось о том, что разобранные важнейшие детали должны быть размещены в одном месте с тем, чтобы "в случае необходимости можно было восстановить работу машин"⁴⁵.

Приказ губернатора гласил, что команды интернированных судов должны находиться на кораблях. Позже, по просьбе России, германское правительство приняло специальное решение не свозить команды на берег⁴⁶. Всякое "неделовое" общение запрещалось. Связь между судами должна была осуществляться только для передачи почты, доставки питания, обеспечения нужд больных и раненых. Все передвижения русских по городу осуществлялись при наличии соответствующих сопроводительных документов⁴⁷. Спустя некоторое время был определен порядок предоставления матросам увольнительных на берег. Днем до захода солнца разрешалось выходить в город 100 морякам с "Цесаревича", и по 10 человек с каждого миноносца. В случае захода в бухту других русских или японских военных судов все отпуска прекращались, и в силу вступал приказ, устанавливающий строгие запреты⁴⁸.

С офицеров русского штаба была взята подписка о невыезде из Циндао без разрешения германского правительства⁴⁹. В этой связи возникли сложности с лечением раненых офицеров и выездом их для этой цели из Китая. Одним из первых с такой про-

³⁹ BA-MA, RM 3/4305 – Gutachten über Zustand des Linienschiffes Zessarewitsch, das am 11. August 1904 in den Hafen von Tsingtau einlief, Tsingtau, 15. August 1904.

⁴⁰ История русско-японской войны 1904-1905 гг. М., 1977, с. 196 – 197.

⁴¹ BA-MA, RM 3/4311. – Prittwitz an Wilhelm II, Tsingtau, 1.9.1904.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibid., RM 3/4305. – Gouverneur Truppel an Kaiser. Telegramma, Tsingtau, 15.8.1904.

⁴⁴ Ibid. – Sonderbefehl Nr. 1 betr. russische Kriegsschiffe, Tsingtau, 15.8.1904.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ О том, что для решения оставить команды на кораблях понадобилось согласие Вильгельма II, свидетельствует телеграмма русского морского агента Долгорукого из Берлина от 28.8.1904. – РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 3081, л. 42.

⁴⁷ BA-MA, RM3/4305. – Sonderbefehl Nr. 2. betr. russische Kriegsschiffe, Tsingtau, 16. 8. 1904.

⁴⁸ Ibid. – Sonderbefehl Nr. 6, Tsingtau, 22.8.1904.

⁴⁹ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 3081, л. 49. – Телеграмма капитана 1-го ранга Эбергарда Вирениуса, Харбин, 3(16) сентября 1904 г.

блемой столкнулся капитан 1-го ранга Иванов. Управляющий российским морским министерством Ф. Авелан вынужден был обратиться к министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу, чтобы министерство иностранных дел по дипломатической линии ходатайствовало перед германским правительством о выезде из Циндао командира "Цесаревича"⁵⁰. Вскоре понадобилось разрешение на выезд другим больным и раненым офицерам, в том числе контр-адмиралу Матусевичу. Германское адмиралтейство не препятствовало выезду раненых офицеров. Тем не менее, в каждом случае необходимо было пройти сложную процедуру согласования, включая обращение в германское внешнеполитическое ведомство.

О том, на каких условиях разрешался выезд, можно судить по письму Тирпица Матусевичу, содержание которого Берлин попросил сохранить в строгой тайне⁵¹. Однако в письме руководителя германского военно-морского ведомства русскому адмиралу не содержалось конфиденциальной информации. Тирпиц пожелал Матусевичу скорейшего выздоровления и подчеркнул, что "препятствий для продолжения Вашего отпуска не имеются до полного... выздоровления и этим не нарушаются международные права, так как Вы обязались больше не принимать участия в русско-японской войне"⁵².

По мере обострения англо-германских противоречий в русском морском министерстве стали вынашиваться планы восстановления боеспособности "Цесаревича". Так, еще в августе 1904 г. приказом губернатора Циндао предусматривалось выполнение на броненосце некоторых видов ремонтных работ⁵³. Одним из инициаторов этого проекта был управляющий морским министерством Авелан. По его докладу было принято решение подготовить броненосец "для плавания и для вступления в бой..., если работы эти будут разрешено произвести германскими властями"⁵⁴. Переговоры было поручено вести на месте капитану 2-го ранга Шумову⁵⁵. Вскоре от командира "Цесаревича" пришел ответ: "Германские власти неофициально разрешили произвести дальнейшие работы"⁵⁶. Трудно представить, что данное решение могло быть принято без согласования с кайзером и морским министерством: все свои шаги Труппель координировал с Берлином.

Германия демонстрировала строгое соблюдение норм международного права и в целом отсутствие всякого желания ссориться из-за России с Японией и ее сильной союзницей Англией. Такая тактика, бесспорно, явилась отражением той общеполитической линии, которая была прописана руководителем военно-морского ведомства в его теории "опасной зоны". История с интернированием российских военных судов не была исключением. "В 1904 году, – вспоминал Тирпиц, – мы должны были избегать всякого случая, способного послужить поводом к войне для наших врагов, ибо в то время мы не были способны к войне с Англией"⁵⁷. По всей видимости, и в случае с интернированием гросс-адмирал призывал кайзера к осторожности, предупреждая о возможных последствиях втягивания Германии в конфликт с Японией.

Однако по мере обострения отношений с "владычицей морей" и попыток заключения на этом фоне союза с Россией, проблема "Цесаревича" стала выходить за рамки простого соблюдения германской стороной норм международного права. Документы военно-морских ведомств Германии и России свидетельствуют об определенной лояльности германской стороны к русским морякам. Это просматривается и в действиях

⁵⁰ Там же, л. 52. – Ф. Авелан министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу, Санкт-Петербург, 5 (18) сентября 1904 г.

⁵¹ Там же, л. 105. – Ламздорф – Ф.К. Авелану, 4 марта 1905 г.

⁵² Там же, л. 106–107. – Тирпиц – Матусевичу, Берлин, 2 марта 1904 г.

⁵³ ВА-МА, RM3/4305, Sonderbefehl Nr. 6, Tsingtau, 22.8.1904.

⁵⁴ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 3081, л. 88. – Вирениус в Главное Управление Кораблестроения и Снабжения, С.-Петербург, 11 января 1905 г.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. – Капитан 2-го ранга Шумов – Вирениусу, Циндао, 12 января 1905 г.

⁵⁷ Тирпиц А. Указ. соч., с. 284.

губернатора Циндао и в позиции Тирпица, который не препятствовал выезду раненых русских офицеров на лечение. Поведение Берлина больше напоминало отношения потенциальных союзников. Во-первых, демонстрировалась готовность Берлина к более тесным отношениям с Петербургом, особенно в связи с Гулльским инцидентом⁵⁸ и последующим обострением англо-германских отношений. После этих событий вероятность втягивания Германии в русско-японскую войну возросла, создавая благоприятную почву для начала переговоров о союзе. Во-вторых, в случае конфликта с Японией и Великобританией, современный броненосец не был бы лишним при обороне Циндао. Отсюда налицо желание Берлина не препятствовать восстановительным работам на "Цесаревиче".

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ МИССИЯ ГИНЦЕ

Как демонстративный жест "морского братства" двух стран можно расценивать предложение отправиться на флагманском корабле русской Балтийской эскадры к дальневосточному театру боевых действий, сделанное русской стороной германскому военно-морскому атташе в Петербурге Гинце.

Это приглашение огласил 6 апреля 1904 г. вице-адмирал З.П. Рожественский, который был сторонником сближения с Германией и хорошо знал Гинце⁵⁹. С русской стороны это был хорошо продуманный политический жест. Присутствие на русском флагмане немецкого офицера продемонстрировало бы германскую поддержку. Это имело бы большое значение особенно в условиях, когда Франция практически отвернулась от своей союзницы России. В Берлине серьезно отнеслись к предложению русских. Тем более что англичане прикомандировали к штабу японского адмирала Х. Того своего представителя. Если верить Тирпицу, именно присутствие английского морского офицера⁶⁰ на флагмане Соединенного флота позволило одержать японцам победу во время боя у Порт-Артура. Англичанин будто бы убедил Того, намеревавшегося прервать бой, в необходимости сражаться дальше⁶¹. Приглашение Рожественского отправиться вместе с ним в далекое плавание, удивило Гинце. Атташе даже переспросил, правильно ли он понял русского контр-адмирала. "Да-да, сообщите Его Величеству кайзеру, – повторил Рожественский, – что я хочу пригласить Вас вместе со мной, с моим штабом идти в Восточную Азию". Гинце поспешил передать Тирпицу эту важную информацию. Это "редкий шанс, – писал он, – больше узнать о русском флоте, а также приобрести военный опыт". Предупреждая возможные сомнения Берлина в отношении своей кандидатуры, Гинце просил не посылать другого офицера. Он понимал, что специфика работы морского атташе требует постоянного нахождения в столице. "Даже, если этот офицер получит приглашение (России. – С.Ш.), он не знает ни командного состава флота, ни кораблей, идущих в поход... Морской атташе при имперском посольстве в Санкт-Петербурге после ухода Балтийской эскадры становится ненужным, так как оставшийся здесь персонал и военно-морские силы, не способны к каким-либо другим действиям, кроме обороны побережья". К тому же

⁵⁸ В ночь на 21 октября 1904 г. эскадра З.П. Рожественского обстреляла английские рыболовецкие шхуны, приняв их в тумане за японские миноносцы.

⁵⁹ ВА-МА, RM 5/1438 – Hintze an Tirpitz, St. Petersburg, 7.4.1904.

⁶⁰ Притвиц, со ссылкой на издаваемую в Гонгконге газету "South China Morning Post" от 31 марта 1904 г., сообщил кайзеру об участии английского военно-морского атташе в Токио Трубриджа в японском нападении на Порт-Артур. – ВА-МА, RM 3/4302. Prittwitz an Wilhelm II. Hongkong, 31.3. 1904. Британским наблюдателем на броненосце "Асахи" во время цусимского сражения был капитан 1-го ранга Пэккингхэм. – Грибовский В.Ю., Погнахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999, с. 277.

⁶¹ Тирпиц А. Указ соч., с.198. Тирпиц не называет ни имени офицера, ни даты сражения у Порт-Артура. Очевидно, речь идет о попытке прорыва русской эскадры под командованием адмирала Виттефта 7 августа 1904 г. О намерениях японского адмирала Того выйти из боя из-за повреждений флагманского корабля и большого расхода боеприпасов см.: История русско-японской войны, с. 194–195.

"подробности военного управления, ежедневные события, высказывания и практические дела высокопоставленных офицеров при штабе эскадры – всю эту информацию можно получить быстрее, точнее и подробнее, нежели находясь в Петербурге". Такова была аргументация Гинце в пользу принятия решения об его отправке. На запрос относительно ответа Рождественскому, кайзер начертал на полях донесения: "Да, согласен"⁶². Тирпиц также оказался сторонником отправки германского военно-морского атташе с русской эскадрой⁶³. Таким образом, принятие приглашения для германской стороны имело глубокий смысл. Однако следует заметить, что чуть раньше подобное решение было принято и в отношении германского морского атташе в Токио К. Труммлера. 5 марта его прикомандировали в качестве представителя штаба адмиралтейства к главной военной квартире японского флота. Несмотря на то, что Труммлер не находился на морском театре военных действий, его донесения имели большую ценность для Берлина⁶⁴. К этому следует добавить, что командующий германской восточно-азиатской крейсерской эскадрой адмирал Притвиц в марте вступил в переговоры с прибывшим в Порт-Артур адмиралом С.О. Макаровым о командировке еще двух германских морских офицеров на главную базу русских военно-морских сил. 29 марта Макаров сообщил о готовности принять немецких наблюдателей. Было решено, что офицеры будут доставлены в Порт-Артур между 11 и 13 апреля на малом крейсере "Гейер". Об этом решении Притвиц немедленно телеграфировал германскому посланнику в Токио, чтобы тот проинформировал об этом решении и японское правительство⁶⁵.

Подробности новой встречи между Гинце и Рождественским, которая состоялась 25 апреля, неизвестны. Атташе сообщил, что на его согласие адмирал ответил пожатием руки и вновь повторил приглашение. На вопрос о времени выхода эскадры, последовал ответ Рождественского: середина или конец августа⁶⁶.

После обсуждений в Берлине и всевозможных согласований в Петербурге было принято решение, что на время отсутствия Гинце полномочия морского атташе при германском посольстве в России будут переданы капитану 1-го ранга барону Шиммельману⁶⁷.

Вторая Тихоокеанская эскадра отправилась в путь только 15 октября. Причем при штабе ее командования Гинце не оказалось. О причинах такого поворота событий ковенным образом можно судить по донесению в германское адмиралтейство капитана 1-го ранга Э. Пусту. Немецкий офицер находился в Либаве и Ревеле в служебной командировке и встретился с Рождественским накануне его отплытия. В беседе, которая длилась около часа, командующий эскадрой выразил искреннее сожаление по поводу отсутствия при его штабе представителя германского флота. Рождественский не скрывал своего желания получить германскую поддержку. Он "всячески подчеркивал общность интересов русского и германского флотов по спорным вопросам международного морского права, таким как задержка, обыск, конфискация и возможность уничтожения нейтральных судов, определение понятия контрабанда, использования торговых судов в качестве вспомогательных крейсеров, остановка, пополнение запасов и ремонт в нейтральных портах"⁶⁸.

Итак, Вильгельм II изменил свое решение. Интересно, что Тирпиц в мемуарах не сообщает о предварительном согласии кайзера на отправку Гинце с русской эскадрой. Он лишь вспоминал, что отказ от посылки Гинце связан с тем, что это "не соответст-

⁶² BA-MA, RM 5/1438. – Hintze an Tirpitz, St. Petersburg, 7.4.1904.

⁶³ Тирпиц А. Указ. соч., с. 198.

⁶⁴ Giessler K.V. Die Institution des Marineattachés im Kaiserreich. Inaugural-Dissertation. Freiburg, 1972, S. 92–93.

⁶⁵ BA-MA, RM 3/4302. – Pritwitz an Wilhelm II, Hongkong, 31.3.1904.

⁶⁶ Ibid., RM 5/1438. – Hintze an Tirpitz, St. Petersburg, 25.4.1904.

⁶⁷ Ibid., RM 3/10264. – Pustau an RMA, Berlin, 8.10.1904.

⁶⁸ Ibidem.

вовало нейтралитету"⁶⁹. Возможно, на кайзера оказал давление Бюлов, который в силу так называемой теории "опасной зоны" не желал давать Великобритании лишний повод для осложнения отношений. Вполне вероятно, что и Тирпиц придерживался такого же мнения.

Командировка Гинце становилась чрезвычайно опасной. От согласия кайзера на путешествие атташе до реального выхода эскадры в море прошло немало времени. За этот период русские потеряли почти весь Тихоокеанский флот, проиграли сухопутную битву под Ляояном. В тяжелейшем положении находился осажденный японцами Порт-Артур. Не вселяла оптимизма и боеспособность второй Тихоокеанской эскадры, призванная дать решающее сражение японцам. Как сообщил Гинце Тирпицу после отплытия Рождественского, он и его коллеги, а именно шведский, французский и английский военно-морские атташе в Петербурге, пришли к единому мнению в оценке перспектив второй Тихоокеанской эскадры. Во-первых, эскадра отправилась в плавание без предварительной подготовки "как персонала, так и материала". Во-вторых, маловероятно, что она вовремя успеет на театр военных действий как по указанным выше причинам, так и в условиях все более усиливающегося нейтралитета держав. В-третьих, даже если эскадра доберется до места, ее шансы на успех чрезвычайно малы⁷⁰. Похожие или даже более критичные высказывания в адрес эскадры Рождественского можно было услышать и от других военных специалистов. Так, Пустай, беседуя в Либаве и Ревеле с русскими моряками, по его словам, получил мало благоприятных впечатлений от господствующих настроений в морском офицерском корпусе⁷¹. Основным вывод, к которому пришел немецкий офицер в результате своего краткосрочного визита в Россию, сводился к следующему: "Между поражениями на Дальнем Востоке и низким моральным духом в широких кругах офицерского корпуса нет связи... Русский военно-морской флот в его теперешнем состоянии не может рассматриваться ни как равноценный противник, ни как надежный союзник"⁷².

Правда, от планов командировки морского атташе на Дальний Восток в Берлине окончательно не отказались. Там, видимо, еще сохранялась надежда на успех похода Рождественского. Когда 14 мая 1905 г. Вильгельм II и его свита во время морского путешествия получили известие о соединении эскадр Н.И. Небогатова и З.П. Рождественского вблизи бухты Ван-Фонг 9 мая, шеф кайзеровского морского кабинета адмирал Г.А. Мюллер записал в своем дневнике: "Сердечные пожелания русским и долгие спекуляции о средствах и путях успеха"⁷³. Только после Цусимы Берлин окончательно признал поездку Гинце нецелесообразной. О чем и было сообщено в телеграмме на его имя 15 мая 1905 г.⁷⁴

Таким образом, очередной этап "опасной зоны", связанный с посылкой германского атташе, Бюлов и Тирпиц прошли успешно. Однако чем больше Россия увязала в конфликте, тем труднее Берлину становилось маневрировать в "опасной зоне". Русское военно-морское присутствие на Балтике имело для Германии большее значение, чем это представлялось Берлину раньше. Наконец ведомство Тирпица увидело в русском флоте силу, которая могла бы при определенных обстоятельствах сдерживать англичан. Симптоматично, но именно с отплытием в октябре 1904 г. второй Тихоокеанской эскадры в Лондоне усилились антигерманские настроения. Факт же снабжения эскадры Рождественского углем немецкой паровой компанией "ГАПАГ" вызвал в английском обществе стойкую аллергию ко всему, что было связано с германским флотом.

⁶⁹ Тирпиц А. Указ соч., с. 198.

⁷⁰ Hintze an Tirpitz. St. Petersburg, 25.10.1904. – Paul von Hintze, S. 140.

⁷¹ BA-MA, RM 3/10264. – Pustau an RMA, Berlin, 8.10.1904.

⁷² Ibidem.

⁷³ Der Kaiser... Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg Alexander v. Müller über die Ära Wilhelm II. Göttingen, 1965, S. 62.

⁷⁴ Giessler K.V. Op. cit., S.93.

ВЕДОМСТВО ТИРПИЦА И ИДЕЯ ГЕРМАНО-РУССКОГО СОЮЗА

На сегодняшний день в отечественной историографии существует убеждение, что германо-русский союз не состоялся исключительно потому, что на него не желала идти Россия. При этом называются объективные причины. Так, союз с Германией мог торпедировать франко-русские соглашения 1891–1893 гг. Вслед за подрывом военно-политических отношений с Францией, последовали бы и кредитно-финансовые проблемы, которых России, в силу зависимости своей экономики от французского капитала, было желательно избежать⁷⁵.

Аналогичные объяснения причин того, почему германо-русский союз на рубеже XIX и XX вв. так и не состоялся, содержатся и в работах зарубежных коллег. Тем не менее, исследователи вновь обращаются к этому вопросу. Причем образ мышления германских дипломатов часто представляется как неподдающийся логике, а политика внешнеполитического ведомства рейха характеризуется как политика упущенных возможностей⁷⁶.

Гулльский инцидент (обстрел русскими английских шхун) перевел разговоры о германо-русском союзе в практическую плоскость. Однако Тирпиц оказался верен избранной им тактике: он вновь решительно выступил против поддержанной кайзером идеи союза Германии с Россией.

Гросс-адмирал обосновывал свою позицию не только вероятными осложнениями отношений с Англией, но и отсутствием русского флота на Балтике. "В случае же войны с Англией, вспоминал Тирпиц, при нашем еще не развитом флоте, к тому же лишенном тогда поддержки русского Балтийского флота, нам пришлось бы расплачиваться нашей внешней торговлей и колониями"⁷⁷.

Обсуждение плана германо-русского соглашения состоялось 31 октября 1904 г. у канцлера Б. Бюлова. На заседании присутствовали руководитель иностранного ведомства рейха О. Рихтгофен, тайный советник Ф. Гольштейн, начальник Большого генерального штаба фельдмаршал А. Шлиффен, Тирпиц и его сотрудник капитан А. Трота. Гольштейн выступил за то, чтобы вслед за инициативами кайзера, имевшими целью сближение с Россией, предложить ей союз. Он был уверен, что совместное германо-русское военное давление побудило бы и французов вступить в создаваемую коалицию континентальных держав. Бюлов согласился с этим мнением. Для него соглашение с Россией было своеобразной "клеткой зародыша"⁷⁸ будущей объединенной континентальной Европы, в которой значительно упрочились бы позиции германского рейха в споре с Великобританией за гегемонию на морях. Однако Тирпиц и Рихтгофен выступили против. Морской министр не видел реальных путей к континентальному союзу. По его мнению, захват Германией Эльзаса и Лотарингии в результате франко-прусской войны, препятствовал даже "под дулом револьвера" любому плану совместных действий с Францией⁷⁹.

На следующий день, 1 ноября 1904 г., Тирпиц в письме Рихтгофену дополнил свои аргументы: он подчеркнул, что "для нас польза от союза с Россией в случае войны на море равна нулю". Кроме того, и "в сухопутной войне союз не имел бы большого значения", так как помощь "от лишних 100–200 тыс. человек в войне миллионов будет невелика". Руководитель германского морского ведомства вновь обращал внимание на опасность столкновения с Англией. Для этого "достаточно, чтобы плавание русских аргонавтов сопровождалось новыми инцидентами, вроде недавно урегулированного Гулльского"⁸⁰.

⁷⁵ История дипломатии, с. 167; Фейгина Л.А. Указ. соч., с. 76–77; Игнатьев А.В. Указ. соч., с. 50–52.

⁷⁶ Berghahn V.R. Op. cit., S. 414.

⁷⁷ Тирпиц А. Указ. соч., с. 194.

⁷⁸ Vogel B. Op. cit., S. 207.

⁷⁹ Тирпиц А. Указ. соч., с. 193.

⁸⁰ Там же, с. 194.

В Большом генеральном штабе придерживались иного мнения. "Авторитетный стратег" Шлиффен на совещании у канцлера 31 октября стал, как писал Тирпиц, "на чисто военную точку зрения"⁸¹. Шлиффен заявил, что в случае военного похода (Германии. — С.Ш.) на Францию, Россия всегда может мобилизовать еще несколько корпусов⁸².

Был ли тогда фельдмаршал одержим идеей нового похода на Францию? Утверждение, что Шлиффен подталкивал кайзера или Бюлова к наступательной войне против Франции, по мнению немецкого историка Г. Риттера, не подтверждается достоверными источниками⁸³. Тем не менее, имеется достаточно свидетельств желания руководителя кайзеровского Большого генерального штаба разделаться с французами.

Еще до Гульского инцидента Шлиффен предупредил прусского военного министра К. Эйнема о возможности втягивания Германии в конфликт с Великобританией. "Если Англия объявит Германии войну, писал он, то Франция в кратчайшее время последует ее примеру. Ее первое же заявление об этом должно послужить для Германии сигналом к мобилизации армии и флота для предупреждения Франции. Говорить о войне против одной Англии не приходится, — продолжил свою мысль Шлиффен, — как в настоящий момент, так и в будущем германский флот не сможет противостоять англичанам"⁸⁴.

Эйнем обратился к Бюлову с просьбой прокомментировать высказывания начальника Большого генерального штаба. Одновременно военный министр поставил вопрос о несовершенстве существующего мобилизационного плана. В нем, в частности, не предусматривалось отдельной от армии мобилизации флота против "ближайшего противника"⁸⁵. Бюлов отказался обсуждать проблему, назвав ее "чисто академической"⁸⁶. Таким образом, накануне Гульского инцидента рейхсканцлер вполне мог предполагать, что история с немецкими "угольщиками" может стать очередным камнем преткновения на пути движения Германии по "опасной зоне". Тем не менее, желание кайзера использовать Россию против Англии заставляло канцлера рисковать.

Спустя две недели после совещания 31 октября, Шлиффен в письме Бюлову попытался оценить союзнический потенциал России. Русские войска, как считалось, могли бы угрожать английским владениям в Индии, Египте и Тибете. Наступление на Египет и Тибет признавалось Шлиффеном либо невыгодным для Германии, либо малоэффективным для борьбы с англичанами. Другое дело — британская Индия. В этом направлении удар по "владычице морей" мог быть ощутимее. По Шлиффену, Россия уже нескольких десятилетий готовит индийский поход, о чем свидетельствует строительство железной дороги Оренбург—Ташкент. При этом русские вполне могут мобилизовать, даже в ходе войны на Дальнем Востоке, дополнительную армию численностью до 200 тыс. человек. Если войска смогут преодолеть все трудности (плохие дороги, афганское и английское сопротивление), то это будет решающим вкладом России в борьбу против общего врага.

Таким образом, думал Шлиффен, в целях отвлечения английских сил, Россия могла бы взять на себя обязательства выдвинуть свои войска в Индию. Правда, для этого понадобятся месяцы подготовки.

⁸¹ Шлиффен заявил: "Единственное решение с военной точки зрения я вижу в немедленной войне с Францией. Англия из-за бурских событий еще достаточно слаба, Россия связана войной с Японией, Франция находится в изоляции, с одной же Францией мы еще справимся". — *Lancken-Wakenitz O. Meine dreißig Dienstjahre 1888 bis 1918*. Berlin, 1931, S. 57.

⁸² Тирпиц А. Указ. соч., с. 193.

⁸³ Ritter G. Der Schliffenplan. Kritik eines Mythos. München, 1956, S. 112, 119. Отвергают стремление Шлиффена к превентивной войне против Франции и другие западногерманские исследователи. — *Fischer F. Krieg der Illusion. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914*. Düsseldorf, 1969, S. 97.

⁸⁴ Politisches Archiv des Auswärtiges Amts. Bonn. Deutschland 138. secr., R-2283, Bd. 6, Schlieffen an das Königliche Allgemeine Kriegs-Departament. Berlin, 7.10.1904.

⁸⁵ Ibid. — C. Einem an Bülow, Berlin, 17.10.1904.

⁸⁶ Hubatsch W. Op. cit., S. 114.

Какие же обязательства могла взять на себя Германия? Ответ на этот вопрос фельдмаршал сформулировал по-военному четко. Так как война с Англией ввиду слабости флота бесперспективна, остается один путь – нападать на ее союзников. А так как союзниками Великобритания являлись Франция и Япония, Шлиффен тут же уточнил: "мы должны ограничить свои действия европейским континентом и именно здесь доставить англичанам неприятности"⁸⁷. Итак, речь шла о Франции. Союз с Россией мог означать для Шлиффена реальную возможность избежать войны на два фронта. В этом случае стратегическая ситуация была бы как никогда благоприятна для нанесения Германией превентивного удара по Франции⁸⁸.

В своем противодействии германо-русскому соглашению Тирпиц проявил завидное упорство. Поскольку главным аргументом сторонников союза являлись перспективы нанесения удара по "владычице морей" в Индии, Тирпиц решил показать всю несостоятельность таких надежд. С этой целью он поручил сотруднику информационного бюро морского министерства В. Фоллертуну провести своеобразную военно-политическую экспертизу правительственного плана. Ее результат вполне соответствовал позиции Тирпица.

Конечно, полагал Фоллертун, и здесь он соглашался со Шлиффеном, соглашение с Россией будет иметь военное значение и обезопасит восточные границы рейха. Вместе с тем, рассуждал он, германо-русский союз поставит под угрозу всю восточно-азиатскую политику, а именно "усилит давление на море со стороны Англии и приведет к противостоянию с Японией". Фоллертун поддержал точку зрения своего шефа и категорически отверг всякую возможность уговорить Францию присоединиться к России и Германии, так как "благоразумные французские политики" оценивают "английскую опасность выше, чем вытекающие из русского союза возможные осложнения" (из-за невыполнения обязательств по франко-русскому союзу. – С.Ш.)⁸⁹.

Можно констатировать, что эксперт информационного бюро безошибочно указал на новые тенденции французской внешней политики. Еще в 1890-е годы во Франции стали осознавать, что противостоять одновременно Англии на море и Германии на суше невозможно. Французские расходы на военно-морской флот, в отличие от затрат на армию, сокращались⁹⁰.

С началом войны на Дальнем Востоке Россия могла рассчитывать только на "моральную поддержку" своей союзницы – Германии. Об этом с удовлетворением писал германский морской атташе в Париже Р. Зигель, ссылаясь на интервью генерал-губернатора Индокитая и бывшего морского министра Ланессана французской газете "Фигаро"⁹¹. Ланессан заявил, что вмешательство Франции в русско-японский конфликт делает его более опасным и грозит войной в Европе. "Допустим, – рассуждал Ланессан, – Франция вступит в войну со своими немногочисленными крейсерами и миноносцами, которые у нее имеются в китайских водах. Тогда тотчас появится английская эскадра, которая в два раза сильнее русской и французской вместе взятых. Невозможна и переброска кораблей из Северного и Средиземного морей, где Англия также сильнее Франции"⁹². Мнение бывшего морского министра вполне соответство-

⁸⁷ Schliffen an Bülow, Berlin, 16. 11. 1904. – Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890–1911. Darmstadt, 1977. S. 298–301.

⁸⁸ Многие германские исследователи полагают, что Шлиффен при поддержке Гольштейна во время Марокканского кризиса 1905–1906 гг. был готов атаковать Францию. См.: Förster S. Der deutsche Generalstab und die Illusion des kurzen Krieges, 1871–1914. Metakritik eines Mythos. – Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1995, № 54, S. 61–95; Raulf H. Zwischen Machtpolitik und Imperialismus. Die deutsche Frankreichpolitik, 1904–1906. Düsseldorf, 1976, S. 78.

⁸⁹ BA-MA, RM 3/4. – Vollerthun' Aufzeichnung. Politische und militärische Betrachtungen über einen englisch-deutschen Krieg, Berlin, 27.11.1904.

⁹⁰ Marder A.J. The Anatomy of British Sea Power. A History of British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era. 1880–1905. London, 1972, S. 274.

⁹¹ BA-MA, RM 3/4300. – R. Siegel an Tirpitz, Paris, 11.3.1904.

⁹² Ibidem.

вало позиции официального Парижа. Французское правительство беспокоило чрезмерное увлечение Россией азиатскими проблемами в ущерб безопасности Франции в Европе.

"Наш непримиримый и все еще умный враг Делькассе делает все, чтобы сохранить мир", – писал Бюлов Гольштейну в середине января 1904 г.⁹³ В то же время, французское правительство четко осознавало возможные последствия позиции нейтралитета. По мнению Ланессана, Германия попытается разрушить русско-французский союз демонстрацией бессилия союзной Франции и способностей Германии оказать России действенную и эффективную помощь⁹⁴.

Тем временем командование германского флота делало мрачные прогнозы. В начале декабря 1904 г. начальник военно-морской станции в Вильгельмсгафене адмирал Бендеманн назвал ситуацию для выступления Великобритании в войну против Германии весьма благоприятной. Во-первых, отсутствие русского Балтийского флота в Европе на руку англичанам. Во-вторых, Франция "не является дружественной" и "нельзя рассчитывать на поддержку" Австрии и Италии. При таком раскладе шансы Германии на успех в борьбе с английским флотом невелики⁹⁵.

Опасность нападения Англии на Германию могла только стимулировать кайзера Вильгельма к поиску союзников. В начале декабря 1904 г. кайзер и канцлер Бюлов вновь вернулись к теме соглашения с Петербургом. Ход дипломатических переговоров по этому вопросу известен⁹⁶. Россия, прежде чем дать свое согласие, предложила включить в переговорный процесс французов⁹⁷. Это не устроило Берлин, который стремился поставить Париж перед свершившимся фактом. Немцы рассчитывали, что поставки немецкого угля эскадре Рождественского могли стать той темой, в которую посвящать французов было бы русской стороне не этично. 10 декабря 1904 г. кайзер телеграфировал царю: "Никакая третья держава не должна слышать даже и намека о наших планах прежде, чем мы не заключим конвенцию по делу о снабжении углем; иначе последствия могут быть очень опасны"⁹⁸.

На решительную игру был настроен и Бюлов: "Сейчас у нас в руках два хороших козыря – поставки угля и предстоящий займ"⁹⁹. В почти ультимативной форме царю было предложено дать ясный ответ: готова ли Россия в условиях постоянно растущих проблем из-за поставок угля защищать Германию "всеми способами"? В противном случае, как считал Бюлов, русским следует отказать в дальнейшей загрузке топлива¹⁰⁰. Россия прореагировала мгновенно: 12 декабря 1904 г. русский министр иностранных дел Ламздорф передал германскому послу Альвенслебену письменную гарантию военной поддержки России в случае германо-английского конфликта из-за угольных поставок. Вильгельм II был вынужден поблагодарить Николая II, заметив, правда, что русская гарантия может оказаться недостаточной для избежания проблем, связанных с угольным снабжением эскадры Рождественского¹⁰¹. Однако продолжать

⁹³ Bülow an Holstein. Berlin, 16.1.1904. – Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. № 818, Göttingen, 1963, S. 249.

⁹⁴ BA-MA, RM 3/4300. – R. Siegel an Tirpitz, Paris, 11.3.1904.

⁹⁵ Ibid., RM 3/4. – Bendemann's Aufzeichnung. Gedanken über die augenblickliche kritische Lage vom 3.12.1904.

⁹⁶ Фейгина Л. Бьерское соглашение. Из истории русско-германских отношений. М., 1928; Острецова М.Л. Бьерский договор 1905 г. – Ученые записки МГПИ, т. 83, вып. 4, М., 1958.

⁹⁷ Как писал Вильгельм II Бюлову, царя "прошибает холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этот договор не желает заключать без их разрешения, а, значит, не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись "царя – батюшки". Цит по: История дипломатии, т. 2, М.–Л., 1945, с. 166–167.

⁹⁸ Цит по: Фейгина Л. Указ. соч., с. 41.

⁹⁹ Bülow an Holstein, 15. 12. 1904. – Die Geheimen Papiere, Bd. 4, № 869.

¹⁰⁰ Vogel B. Op. cit., S. 211.

¹⁰¹ Фейгина Л. Указ. соч., с. 42–43.

настаивать на подписании договора кайзер не стал. Основной повод – угроза войны со стороны Англии в связи с Гульским инцидентом была формально устранена. Усилиями России и при поддержке Франции¹⁰² дело было передано на рассмотрение предусмотренной Гаагской конвенцией 1899 г. Международной следственной комиссии, первое заседание которой состоялось в Париже 9 декабря 1904 г.¹⁰³

Итак, попытка Германии заключить союз с Россией оказалась неудачной. Этот союз, подчеркивал Тирпиц, соответствовал его принципиальным убеждениям, но в тот момент был бы чрезвычайно опасным, поскольку мог спровоцировать нападение Англии на германский флот. "Я хотел бы, – писал Тирпиц Рихтгофену, – уточнить свою точку зрения, предложив энергично поддерживать дружбу с Россией, особенно личные отношения императоров, но не заключать с ней договора и выжидать развития событий. В общем, выигрыш времени и строительство флота являются нашими важнейшими политическими задачами"¹⁰⁴. Таким образом, Тирпиц четко понимал сам и пытался убедить в этом Бюлова¹⁰⁵, что в данном случае гораздо продуктивнее для Германии был бы не военный договор с Россией, который будет предусматривать конкретные обязательства сторон, а отношения потенциальных союзников или то, что Тирпиц называл дружбой императоров. Такие отношения могут длиться бесконечно долго и принесут гораздо больше пользы его флоту, чем конкретные и, следовательно, таящие в себе угрозу ответных английских действий, обязательства по союзу.

Понимание Тирпицем "дружбы" не было заимствовано из набора дипломатических приемов и не имело, если учитывать родственные связи германского и русского монархов, сентиментальный характер. Гросс-адмирал был прагматиком. Например, он предлагал использовать "дружественные отношения" для того, чтобы добиться от царя обещания соблюдать нейтралитет. При этом совсем необязательно, говорил он Рихтгофену, заключать союз. "Сильная и свободная" Германия это может сделать в любой момент¹⁰⁶.

Говоря об отношении германского военно-морского ведомства к событиям на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг., следует признать, что в целом дипломатия рейха была подчинена "плану Тирпица" и императиву "опасной зоны". Как считал канцлер Т. Бетман-Гольвег, германская внешняя политика была не менее последовательна, чем сам план строительства флота, на котором она основывалась. Между внешнеполитическим и военно-морским ведомствами рейха установилось принципиальное согласие в том, что германская политика в отношении Англии и России должна быть максимально дружественной, но при этом следовало избегать конкретных союзнических обязательств¹⁰⁷. Период русско-японской войны в германо-русских отношениях в этом плане не был исключением.

¹⁰² Посол Франции в Англии П. Камбон призвал к сдержанности английское правительство, намекая, что англо-русский конфликт может привести к торпедированию "сердечного согласия". – История внешней политики России, с. 174.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Тирпиц А. Указ соч., с. 196.

¹⁰⁵ Тирпиц просил Рихтгофена довести до сведения Бюлова свою позицию по вопросу союза с Россией: "Поскольку высокая политика является высшей сферой и я участвовал в рассмотрении этого вопроса (заключении союза с Россией. – С.Ш.) лишь как посторонний, я обращаю к вам эти строки с просьбой разъяснить мою точку зрения г-ну рейхсканцлеру". – Тирпиц А. Указ соч., с. 196.

¹⁰⁶ Там же, с. 194–195.

¹⁰⁷ Berghahn V.R. Op. cit., S. 413–414.